

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

В. М. Кириллин

ОЦЕНКИ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА ПОСРЕДСТВОМ ИСТОРИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ В РАННИХ РУССКИХ ГОМИЛИЯХ¹

Одним из основных принципов размышления о человеке в Древней Руси был принцип ретроспективной аналогии, или исторического уподобления [Каравашкин; Панченко], когда личность литературного героя (а это всегда реальный исторический персонаж — князь, воин, боярин, церковный деятель) оценивалась через его сравнение с известными персонажами мировой — обычно библейской и христианской — истории, на которых он чем-то похож: своим характером, деяниями, обстоятельствами жизни. Этот принцип чаще всего применялся в агиографии, ораторском дискурсе, гимнографии, рефлексии летописцев по поводу описываемых ими исторических событий. И этот принцип был реализован уже на ранней стадии развития древнерусской литературы, в частности при оценке подвига великого киевского князя Владимира Святославича как крестителя Руси. Речь идет, прежде всего, о «Слове о Законе и Благодати» Илариона, «Похвале Владимиру» Иакова Мниха, «Чтении о житии Бориса и Глеба» Нестора Летописца и «Повести временных лет». Сравнение этих произведений обнаруживает, что использованные в них исторические аналогии отмечали разные черты характера князя и, очевидно, отражали разные представления о нем, бытовавшие в древнерусском обществе.

Наиболее устойчивым является уподобление Владимира Святославича римскому императору Константину Великому. Оно встречается во всех четырех самых ранних текстах и затем прочно закрепляется в последующей русской ретроспективно-исторической мысли о князе, благодаря которому восточные славяне приобщились к христианству. В «Повести временных лет», в посмертной похвале Владимиру, о нем сказано просто: «**Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя. Тако и съ створи подобно ему**»². В «Чтении о Борисе и Глебе» содержится еще более краткое утверждение: «**Се второй Константинъ в Руси явился**»³. Эти сравнения, как видно, образно и содержательно бедны. Они являются лишь констатацией известного. А вот в сочинениях Илариона и Иакова структура соответствующих аналогий весьма развита, несомненно, ввиду необходимости обоснования таковых. Однако, свидетельствуя об общности римского и киевского просветителей, названные панегиристы все же расставляют разные акценты.

¹ Статья по докладу на VIII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси».

² Повесть временных лет. Ч. I: Текст и перевод / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 89.

³ «Чтение о житии и о погублении блаженую страстотерпца Бориса и Глеба» // Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916. I. С. 1–26.

Так, согласно Илариону, Владимир Святославич — это прежде всего «**ПОДОБНИКЪ**»⁴ Константина Великого, он равен ему по уму — «**РАВНОУМНЕ**» (с. 147), такой же христороубец, так же чтит священнослужителей, так же «**ПО ВСЕЙ ЗЕМЛИ СВОЕЙ**» утвердил «**ВЪБРУ**» (с. 143). Но уподобление Константину осложняется у Илариона еще ветхозаветной параллелью: восхваляя Владимирову сына Ярослава-Георгия, ритор утверждает, что последний закончил начатое его отцом — возвел на месте старого деревянного каменный Софийский собор, как некогда древнееврейский царь Соломон завершил начатое царем Давидом строительство Иерусалимского храма⁵: «**Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгий... иже недокончаная твоя наконьча, акы Соломонъ Давидова, иже домъ Божий великий святый его Прѣмудрости създа...**» (с. 148). Таким образом, Иларион прямо помещает Владимира-Василия, а заодно и Ярослава-Георгия в единый ряд святых властителей, прославившихся возведением величественных и главных соборов: Давид — Соломон — Константин — Василий — Георгий. Соответственно, и стольный град Руси Киев вместе с Софийским собором по логике этой аналогии оказывается в ряду святых городов: Иерусалим — Константинополь — Киев.

Однако, наряду с уподоблением, Иларион применяет также и прием противопоставления, восхваляя, в частности, щедрость Владимира Святославича: «**Слышалъ бо бѣ глаголъ, глаголаный Данииломъ къ Науходоносору: "Съвѣтъ мой да бѣдетъ ти годѣ, царю Науходоносору, грѣхы твоя мшюстинями оцѣсти и неправды твоя щедротами нищихъ"**» (Дан 4: 24). **«Еже слышавъ ты, о честьниче, не до слышання стави глаголаное, нѣ дѣломъ съконча, просящимъ подаваа, нагыа одѣвая, жадныа и алчныа насыщяа, болящимъ всяко ѹтѣшение посылаа, должныа искупяа, работнымъ свободу дая»** (с. 146). Получается, киевский князь превосходит вавилонского правителя Навуходоносора, ибо делами милосердия вполне искупил свою дохристианскую греховность перед Богом в противоположность древнему творцу истуканов и разрушителю Иерусалима, который, хоть и признал в конце жизни величие Единого Творца, и даже от тяжелого недуга безумия исцелился, но ничего не сделал в свое оправдание [Никифор, с. 498—499; Вихлянец, с. 156—157].

В свою очередь, Иаков Мних демонстрирует собственное историко-ретроспективное видение⁶. Как уже отмечалось, он тоже сопоставляет крестителя Руси с императором Константином Великим. Однако, свидетельствуя об общности двух государственных мужей, он в противоположность Илариону расставляет иные акценты.

Первый панегирист в своей похвале благоверному Владимиру Святославичу утверждал его равенство Константину не только по уму, но также — по любви к Богу и по почтительному отношению к духовенству: «**равнохристороубче, равночестителю служителемъ его!**» (с. 147).

Для Иакова же важнее признать равенство императора и киевского правителя только в вере и любви Божией, оценка их разумности у него отсутствует: «**И ты, блаженный княже Володимере, подобно Константину Великому дѣло сътвори, яко онъ, вѣрою великою и любовью Божиею подвигся**» (с. 421).

⁴ Аментьев К. К. «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента РАН И. П. Медведева / Под ред. К. К. Аментьева. СПб., 2005. С. 122—152. Далее текст памятника цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

⁵ Об этом см. Библию: 2 Цар 7: 10—13; 3 Цар 6; 3 Цар 8: 66; 1 Пар 17: 11—12, 22: 8—19, 28: 6—29: 5.

⁶ См.: «Память и похвала князю русскому Володимиру: како крестися Володимиръ, и дѣти своя крести, и всю землю рускую от конца до конца, и како крестися баба Володимирова Олга преже Володимера. Списано Иаковомъ мнихомъ» // Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 417—434. Далее текст памятника цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

Иларион указывал на солидарный, союзный с духовенством характер деятельности Константина и Владимира, направленной на распространение веры. Вместе с тем он внимателен к церковно-историческим фактам, вспоминает о созыве Константином Первого Вселенского собора и об обретении Креста Господня; склонен к прямым историософским суждениям: как Константин перенес на новую столицу империи славу Иерусалима, так Владимир сделал Киев восприемником Нового Иерусалима, Константинополя: «Онъ (Константин) съ святыми отци Никенскааго Събора законъ челоуѣкомъ полагааше; ты же (Владимир) съ новыми нашими отци епископы сънимаюся чясто, съ многымъ съмѣрениемъ съвѣщавашеся, како въ челоуѣцѣхъ сихъ новопознавшихъ Господа законъ ѹставити. Онъ въ единѣхъ и римлянѣхъ царство Богу покори; ты же — в Русѣ: ѹже бо и въ онѣхъ и въ насъ Христосъ царемъ зовется. Онъ съ матерю своею Еленою крестъ отъ Иерусалима принесѣша и по всему миру своему раславѣша, вѣру ѹтвердиста; ты же съ бабою твоею Ольгою принесѣша крестъ отъ новааго Иерусалима, Константинограда, и сего по всеи земли своей поставивша, ѹтвердиста вѣру» (с. 147).

Иакова же в сопоставлении интересует другое. Он говорит об исключительно личных, самовластных, но основанных опять-таки на любви и вере усилиях византийского и русского властителей в делах утверждения и распространения христианства, строительства храмов, упразднения идолопоклонства. Причем о последнем говорит более подробно и детально: «ѹтверди (Константин) всю вселеню любовию и вѣрою, и святымъ крещениемъ просвѣти весь миръ, и законъ Божий по всей вселенѣи заповѣда. И разруши храмы идольския съ лженными боги, и святыя же церкви по всей вселенѣи постави на хвалу Богу, в Троицы славимому Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и крестъ обрѣте, всего мира спасение. С блаженою и богомудрою матерю своей святою Еленою и съ чады многы приведе къ Богу святымъ крещениемъ бесчисленное множество. И тревница вѣсовская потреби, и храмы идольския разруши, и церквами ѹкраси всю вселеню и грады, и заповѣда въ церквахъ памяти святыхъ творити пѣнии и молитвами, и праздницы праздновати на славу и на хвалу Богу. Тако же и блаженный князь Володимеръ сътвори съ бабою своею Ольгою. Блаженный же князь Володимеръ, внукъ Олжинъ, крестился самъ, и чяда своя, и всю землю Рускую крести отъ конца до конца, храмы идольския и тревница всюду раскопа и постѣче, и идолы съкруши, и всю землю Рускую и грады честными церквами ѹкраси, и памяти святыхъ въ церквахъ творяще пѣниемъ и молитвами, и праздноваше свѣтло праздницы Господьския» (с. 421).

Иларион подчеркивал тождество киевского князя римскому цезарю по восприятию им славы небесной, признавая таким образом причастность Владимира подобно Константину к лику святых: «Егоже ѹбо подобникъ сый, съ тѣмъ же единою славы и чести обещаника сътворилъ тя Господь на небесѣхъ благовѣриа твоего ради, еже имѣ въ животѣ своемъ» (с. 147).

Напротив, Иакову образ римского императора для удостоверения святости киевского князя не нужен. Иаков в последней не сомневается: «Не дивимся, възлюбленѣи, аще чудесъ не творить по смерти, мнози бо святини праведнѣи не створиша чудесъ, но святини сѹтъ» (с. 422). Но вместе с тем он настоятельно воспеваает именно прижизненную щедрость крестителя Руси — мотив, едва прозвучавший у Илариона, и то лишь номинативно, без конкретизирующих разъяснений. Важно, кстати, подчеркнуть, что Иаков не отмечает такого же достоинства у Константина Великого, тем самым как бы возвышая над византийцем героя своей похвалы: «Три трапезы (Владимир) поставляше: первую митрополитѹ съ епископы,

и съ черноризцѣ, и съ попы; вторюю нищимъ и ѹбогимъ; третью собѣ, и бояромъ своимъ, и всѣмъ мѹжемъ своимъ» (с. 421–422).

Между прочим, указывая на благотворение как особенность социального поведения киевского князя, Иаков, возможно, тоже подразумевал историческую параллель. Во всяком случае, его текст по общему смыслу близок рассказу латинского «Евангелия Псевдо-Матфея» об отце Девы Марии, праведном Иоакиме: «Был в Иерусалиме человек некий, именем Иоаким из колена Иудова... Он делил на три части стада свои, имущество свое и все то, чем он владел. И отдавал он одну часть вдовам, сиротам, странникам и бедным, другую тем, кто был посвящен на служение Богу, а третью он сохранял для себя и дома своего»⁷. Конечно, категорические утверждения в данном случае неуместны, поскольку указанный апокриф, весьма популярный в средневековой Европе (древнейшая рукопись относится к X в. [Reid, p. 607]), не сохранен славяно-русской книжностью и, вероятно, не был ей известен. Но подозрение, что Иаков мог быть знаком с преданием о Иоакиме, все же возникает. А если такое подозрение правомерно, то почему бы не думать в данном случае о подразумеваемой панегиристом скрытой аналогии, или неявном сопоставлении Владимира с праведным праотцем? Подобный ход мысли тем более законен, если учесть, что христианская супруга Владимира, как и супруга Иоакима, именовалась Анной.

Приходится, наконец, констатировать, что Иаков вообще настойчивее и изобретательнее Илариона в использовании приема исторической ретроспекции для характеристики личностных свойств Владимира Святославича. В этом отношении показателен его подбор библейских прототипов крестителя Руси. Так, согласно свидетельству Иакова, киевский князь, став христианином, «възвеселися о Бозѣ Давыдъскы... и аки святыи пророкъ дивныи Аввакумъ “о Господѣ веселяся и радѹся”», он «подобися... царю Иезекѣю (Езекии), и треблаженому Иосѣю (Иосии), и великому Коньстянтинѹ» (с. 422), он также «възлюби Аврамово житие и подража страннолюбю его, Иаковлю истину, Моисѣеву кротость, Давыдово безловие, Коньстянтина, царя великого, перваго царя крестянского, того подражая правотѣри, боле же всего бяше милостыню творя» (с. 423). Бесспорно, эти новые библейские соотнесения (дополняющие ретроспективное тождество: римский император — правитель Руси) демонстрируют отличное знание панегиристом ветхозаветного предания и богослужебного обихода.

В самом деле, о родоначальнике евреев Аврааме известно, например, как о постоянном собеседнике Божиим; особенно любимой в церковном предании стала история встречи праотца с Господом, явившимся ему в виде трех странников в дубраве Мамре (Быт 18: 21) [Никифор, с. 18–20; ПЭ, т. I, с. 147–153]. Отсюда устойчивые характеристики Авраама в христианской гимнографии: «страннолюбивый» (тропарь 7-й песни канона бесплотным силам Иоанна Монаха, 8 ноября, и др.)⁸, «боголюбивый» (стихира анатолиева 6-го гласа в Неделю святых праотец перед Рождеством Христовым и др.). Но Авраам, кроме того, создал прецедент как благодетель, выделив селимскому царю и священнику Мельхиседеку при встрече с ним десятую часть от своего имущества (Быт 14: 18–19).

Внук Авраама Иаков отличался неколебимой верой и кротостью, что также отражено гимнографией в атрибуциях: «безловие» (тропарь 8-й песни канона прп. Даниилу Столпнику, 11 декабря), «ѹгодникъ вѣрнѣйшии всѣхъ Бога» (тропарь 6-й песни канона Праотцам в Неделю святых праотец перед Рождеством Христовым), «простота» (тропарь 7-й песни канона прп. Феоктисту Секелийскому, 4 января), «нехитростное» (стихира 4-го гласа

⁷ Иисус Христос в документах истории / Составл., статья и комм. Б. Г. Деревенского. СПб., 2001. С. 183.

⁸ Минія. Київ, 1893 (12 томов по місяцям). Далее извлечения из богослужебных текстов даны по этому изданию.

прп. Никите Халкидонскому, 28 мая). Но Иаков, уместно напомнить, имел еще 12 сыновей и потому воспринимался как символ народа Божия и всей церкви [Никифор, с. 311–312; ПЭ, т. XX, с. 435–439].

Прямой потомок Иакова Моисей, вождь еврейского народа и законодатель [Никифор, с. 480–483; ПЭ, т. XVIII, с. 625–626], в «Пятикнижии» прямо назван «кротчайшим из всех людей» (Чис 12: 3). Соответственно, анонимный автор канона Моисею (4 сентября)⁹ именуется его «**СЛУЖИТЕЛЬ БЫВЪ БОЖИЙ ЯКОЖЕ КРОТОКЪ СЛЫША СЯ И ДѢТЕЛЬ**» (тропарь 8-й песни); да и в стихословиях другим святым устойчиво упоминается его «**НЕЗЛОВИЕ**» (тропарь 7-й песни канона Спиридону Тримифийскому, 12 декабря). Но вместе с тем Моисей известен и как непримиримый борец с идолопоклонством ради почитания единого Бога (Исх 32).

Другой потомок Иакова, Давид, известен, в частности, тем, что запретил убивать своего неотступного и безжалостного гонителя Саула (1 Цар 24: 3–8); став царем, он привел Израиль в цветущее состояние и задумал соорудить в Иерусалиме храм для поклонения Господу (2 Цар 7: 1–7), а в созданных, по преданию, псалмах сумел с особой глубиной выразить чувства покаяния перед Творцом и радости от примирения с Ним [Никифор, с. 179–182; ПЭ, т. XIII, с. 544–550]. Вот почему в церковных гимнах часто отмечается кротость Давида (тропарь 8-й песни Канона прп. Даниилу Столпнику, тропарь 7-й песни Канона прп. Феоктисту, седален 8-й гласа из Службы в Неделю святых праотец) и обычен мотив его веселья: «**ДНЕСЬ ДАВИДЪ РАДУЕТСЯ**» (стихира на стиховне 8-го гласа из Службы Предпразднества Рождества Пресвятой Богородицы), «**ВЕСЕЛИЯ ДНЕСЬ ДАВИДЪ ИСПОЛНЯЕТСЯ**» (кондак 3-го гласа из Службы в Неделю по Рождестве Иисуса Христа).

Об Аввакуме Священное Писание сообщает мало [Никифор, с. 10; ПЭ, т. I, с. 79–81], но зато под его именем бытовала одна из пророческих книг, часто вместе с толкованиями Феодорита Киррского [Алексеев, с. 24–25]. А вот в богослужебном обиходе личность Аввакума оказалась весьма востребованной, ибо ему как провидцу пришествия Господня посвящены разные ирмосы к четвертым песням разных канонов¹⁰. При этом тема веселья пророка так или иначе проявляется в ряде стихословных упоминаний о нем. Особенно показателен посвященный самому Аввакуму канон Феофана Начертанного (2 декабря): «**ТВОЕГО НА ЗЕМЛИ ЯВЛЕНИЯ, ХРИСТЕ БОЖЕ, ПРОПОВѢДАЯ ПРОРОКЪ ПРИШЕСТВИЕ, СЪ ВЕСЕЛИЕМЪ ВОПИЯШЕ: ГЛАВА СИЛѢ ТВОЕЙ, ГОСПОДИ**» (ирмос 4-й песни); «**ВЕЛЕГЛАСНО, МУДРЕ, О БОЗѢ СПАСѢ ВОЗРАДУЮСЯ, ВОЗОПИЛЪ ЕСИ, И ВОЗВЕСЕЛЮСЯ, АВВАКУМЕ ВСЕБЛАЖЕННЕ**» (тропарь 5-й песни).

Напротив, цари Езекия и Иосия, в отличие от Авраама, Иакова, Моисея, Давида и Аввакума, редчайшие персонажи гимнографии, сохраненной славянской богослужебной традицией. Их имена, причем без каких-либо атрибуций, вспоминаются только на предваряющих праздник Рождества Христова службах — в стихире 5-го гласа в Неделю святых отец и в двух тропарях 8-й песни Канона праотцам в Неделю святых праотец. Однако довольно подробно, но вразброс рассказывают о них Четвертая книга Царств, Вторая книга Паралипоменон и Книга пророка Исаии. В данном случае важно, что, согласно библейскому преданию, оба царя отличались умом и благочестием, занимались широкой градостроительной деятельностью и, главное, каждый из них в свое время, лично отказавшись от язычества, решительно уничтожил распространенные среди евреев обычаи идолослужения и восстановил почитание единого Бога [Никифор, с. 218–219, 367; ПЭ, т. XVIII, с. 92–96; ПЭ, т. XXVI, с. 122–128].

Нетрудно догадаться, что приведенные Иаковым Мнихом параллели вполне отражают сходство жизни Владимира Святославича с жизнью — в некоторых чертах и подробностях —

⁹ В современном русском богослужении данный канон не употребляется. Цитируется по научному изданию: Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. / Труд орд. акад. И. В. Ягича. СПб., 1886. Сентябрь. С. 038–042.

¹⁰ Ирмологий. Почаевская Лавра, 1875. С. 8, 9, 10 (глас 1); 39 (глас 2); 61, 62 (глас 3); 79, 81, 82 (глас 4); 108, 109 (глас 5); 123, 125 (глас 6); 140, 141 (глас 7); 156, 157, 158, 159 (глас 8).

названных библейских персонажей. Но таким образом они определяют не только ретроспективно-историософскую глубину оценки великого киевского князя как государственного деятеля; ими прямо и перифрастически, иносказательно — в соответствии с известными библейскими фактами — обозначается также радостный характер приятия князем веры, его борьба с язычеством и его личностные свойства: гостеприимство, правдолюбие, смиренность, незлобивость, благочестие, милосердие, щедрость.

Новые оттенки представлений о крестителе Руси обнаруживаются в «Чтении о Борисе и Глебе». Действительно, автор последнего Нестор Летописец пополняет состав исторических аналогий к личности и деяниям крестителя Руси образом святого Евстафия Плакиды, с историей крещения которого сопоставляет историю крещения киевского князя: **«Бысть бо, рече, князь въ тии годы, володый всею землею Рускою, именовъ Владимиръ. Бѣ же мѹжь правдивъ и милостивъ к нищимъ и к сиротамъ и ко вдовичамъ, елинъ же вѣрою. Сему Богу спону нѣкакѹ створи быти ему христѹяну, яко же древле Плакидѣ. Бѣ бо Плакида мѹжь праведенъ и милостивъ, елинъ же вѣрою, яко же в житии его пишеться. Нѣ егда видѣ, явльшомѹся ему, Господа нашего Исуса Христа, тѣгда поклонися ему, глаголя: “Господи, кто еси и что велиши рабѹ твоемѹ?” Господь же к нему: “Исусъ Христосъ, Его же ты, не вѣдый, чтеши. Нѣ иды и крѣстися”. Он же тѹ авие поимъ женѹ свою и дѣтища своя и крѣстися во имя Отца и Сына и Святаго Дѹха, и наречено имя ему бысть Евстафѣй. Тако же и сему Владимиру явление Божие быти ему крѣстьяну створи же. Наречено бысть имя ему Василий. Таче потомъ всѣмъ заповѣда вельможамъ своимъ и всѣмъ людемъ, да ся крѣстятъ во имя Отца и Сына и Святаго Дѹха»¹¹. Идейно ключевой в этом сравнении, на мой взгляд, является фраза **«Исусъ Христосъ, Его же ты, не вѣдый, чтеши»**, утверждающая факт неосознанного христианства язычника Евстафия и, соответственно, позволяющая судить о цели всего сопоставления, а именно о предумышленной трактовке и Владимира Святославича как стихийного христианина, личность которого, судя по предшествующей оценке (**«Бѣ же мѹжь правдивъ и милостивъ к нищимъ и к сиротамъ и ко вдовичамъ, елинъ же вѣрою»**), еще в язычестве отличали вполне христианские добродетели, если иметь в виду пятую (**«Блажени милостивии, яко тии помиловани будутъ»**) и восьмую (**«Блажени изгнани правды ради, яко техъ естъ Царствие небесное»**) заповеди блаженства (Мф 5: 7, 10).**

По-своему с помощью исторической аналогии характеризует Владимира Святославича и летописец — то ли опять-таки Нестор, то ли его предшественник. Так, согласно летописному свидетельству, киевский князь — подражатель ветхозаветным пророкам Давиду и Соломону и последователь Евангелия в делах милосердия и нищелюбия: **«Бѣ бо любя книжная словеса, слыша бо единою евангелие чтомо: “Блажени милостивии, яко тѣи помиловани бѹдѹтъ”, и пакы: “Продайте имѣния ваша и дайте нищимъ”, и пакы... и Давида глаголюща: “Благъ мѹжь милѹя и дая”, Соломона слыша глаголюща: “Дая нищимъ, Богу в заемъ даетъ”. Си слышавъ, повелѣ...»¹². При этом предлагаемое летописцем сопоставление Владимира с ветхозаветными царями Давидом и Соломоном нельзя связывать с текстом «Слова о Законе и Благодати», ибо у Илариона креститель Руси уподоблен этим ветхозаветным царям как храмоздатель, а не как благотворитель. Нет здесь связи и с текстом Иакова, в котором киевский князь сравнивается с Давидом на предмет испытываемой им благочестивой радости.**

Но помимо явной аналогии в летописи обнаруживается еще и скрытое сопоставление, в котором звучат совершенно новые, отсутствующие у Илариона, Иакова и Нестора мотивы

¹¹ «Чтение о житии и о погублении блаженую страстотерпца Бориса и Глеба». С. 4.

¹² Повесть временных лет. С. 86.

оценки крестителя Руси — это мотивы его покаяния и книжности: «Аще бо бѣ преже в поганьствѣ и на сквѣрнѹю похоть желая, но послѣди прилежа к покаянью, якоже вѣщаше апостолъ: “Идеже умножися грѣхъ, тѹ изобильствуетъ благодать” (Рим 5: 20). Аще бо прѣже в невѣжьствѣ, етера быша сгрѣшениа, послѣди же расыпашася покаяньемъ и милостными, якоже глаголетъ: “В нем тѹ застанѹ, в том ти и сѹжю” (Прем 11: 17). Якоже пророкъ глаголетъ: “Живъ азъ, Аданаи Господь, якоже не хоцю смерти грѣшника, якоже обратитися емѹ от пѹти своего и живу быти, обращениемъ обратися от пѹти своего злаго” (Иез 33: 11). Мнози бо праведнии творяще и по правдѣ живѹще, и къ смерти соврацаютъся праваго пѹти и погыбаютъ, а друзии развращено превываютъ и къ смерти въспомнѹтъся и покаяньемъ добрымъ очистятъ грѣхы. Якоже пророкъ глаголетъ: “Праведный не возможе спастися въ день грѣха его. Егда рекѹтъ правѣдному: Живъ бѹдеши, сѹи же ѹповаетъ правдою своею и сотворитъ безаконье, — вся правда его не въспомнѣтъся, в неправдѣ его, юже створи, и в ней ѹмретъ. И егда рекѹтъ нечестивому: смертию ѹмреши, ти обратитися от пѹти своего и створитъ сѹдъ и правдѹ, и займѹ сѹдъ, лъжю отдастъ, и въсхищение възвратитъ, — вси грѣси его, яже сгрѣшилъ есть, не помянѹтся, яко сѹд и правдѹ створилъ есть, и живъ бѹдетъ в них. Комужьто вас сѹжю по пѹти его, доме Израилевъ!” (Иез 33: 12–16, 20)»¹³. Соответственно, по летописцу получается, что великий киевский князь оставляет грех через духовное преображение и покаяние, как бы подобясь и следуя апостолу Павлу и пророкам Соломону и Иезекиилю.

Итак, как видно, авторы рассмотренных четырех текстов, выявляя через библейско-исторические аналогии личностные черты Владимира Святославича, исходили из разных, более или менее содержательно насыщенных представлений о нем и стремились к собственным — и взаимно независимым — изобразительным и идейным целям. Согласно Илариону, святой киевский князь Владимир совершил то же, что и римский император Константин, опираясь подобно ему на свой разум и исходя из любви ко Христу и Церкви, при этом он как храмоздатель оказался равным древнееврейскому царю Давиду, а как уверовавший во единого Бога превзошел вавилонского царя Навуходоносора, ибо подтвердил свою веру делами благотворения. Иаков Мних находит сходство крестителя Руси с Константином, кроме того, в полноте его веры и любви к Богу, в деле распространения христианства, борьбы с язычеством и украшения русской земли храмами. Вместе с тем по Мниху выходит, что Владимир выше римского императора, ибо его превосходительно отличает явленная им при жизни щедрость в добрых делах. Шире сходство русского правителя и с ветхозаветными праведниками. Аврааму он уподобился, выделив десятину от своего имущества, подобно Иакову он имел 12 сыновей, как Моисей, Езекия и Иосия, он уничтожил языческие капища и обычаи, как Давид и Аввакум, отличался миролюбием и веселым характером и под стать всем им был благочестив и нравственен. В свою очередь, летописные аналогии с Давидом и Соломоном подчеркивают деятельную доброту киевского князя, а его сопоставление с Соломоном, Иезекиилем и апостолом Павлом помогает понять феномен происшедшей с ним духовной перемены. Эту же задачу решает и преподобный Нестор, сравнив Владимира с Евстафием Плакидой.

Несомненно, созданные трудами первых воспевателей святого просветителя Руси идеологемы отражали живой процесс формирования в русском самосознании XI — начала XII в. его официального образа. И несомненно также, что эти идеологемы должны были претерпеть изменения в последующей литературной традиции. Впрочем, задачи данной статьи, как думается, выполнены.

¹³ Там же. С. 89–90.

Литература

Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Вихлянцева В. П. Библейский словарь к русской канонической Библии Синодального перевода 1816–76 гг. М., 1998.

Каравашкин А. В. Историческая аналогия в системе универсалий древнерусской литературы: на материале агиографии XIV–XV вв. (к постановке вопроса) // Литература Древней Руси. М., 2003. С. 47–68.

Никифор — Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия: Труд и изд. архим. Никифора. М., 1891.

Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 491–534.

ПЭ. М., 2000. Т. I: А — Алексей Студит.

ПЭ. М., 2006. Т. XIII: Григорий Палама — Даниель Ропс.

ПЭ. М., 2008. Т. XVIII: Египет древний — Ефес.

ПЭ. М., 2009. Т. XX: Эверин монастырь — Иверия.

ПЭ. М., 2010. Т. XXVI: Иосиф I Галисиот — Исаак Сирин.

Reid George J. Аросуґра // The Catholic Encyclopedia. New York, 1913. Vol. I: Aachen — Assize. P. 601–615.

